

Приборы тихо звенели, кривая на кардиомониторе отражала жизнь, которая постепенно возвращалась. Шесть утра, рассвет и пение птиц возвещали начало нового дня. Всё было новым началом, всё двигалось в сторону улучшения.

Если бы не четкое осознание того факта, что в данный момент они разыгрывают спектакль перед пациентом.

Ши Чу искренне радовался улучшению состояния бабушки, но в то же время в сердце всё ещё зияла пустота. Вопреки его ожиданиям, она не затягивалась со временем, а лишь расширялась, как песок, уносимый ветром.

Если бы он не оказался здесь, или если бы бабушка не возложил на него такие надежды, возможно, он бы и не думал об этом. Но как только кто-то, не знающий всей правды, украсил комнату красивыми цветами, неприглядная реальность стала ещё более очевидной.

И Ши Чу ясно понимал, что все эти прекрасные мечты больше никогда не сбудутся для него.

Пациент только что очнулся, и долгие визиты были запрещены. Выйдя из палаты, Цинь Юя вызвал врача, и Ши Чу вернулся в зону ожидания. Едва он сел, как увидел родителей Цинь Юя, которые только что прибыли.

Он всё ещё был в напряжении, боясь, что мать Циня снова подойдет к нему с разговором, но вскоре почувствовал, что атмосфера изменилась.

Мать Циня, увидев его, на мгновение замедлила шаг — незаметно для невнимательного взгляда, — а затем улыбнулась ему с подобающей вежливостью. В этой улыбке было больше учтивости, чем вчера, чего-то не хватало.

Этого «чего-то» Ши Чу не мог точно определить, но, вероятно, это была разница между тем, как относятся к своим, и тем, как к чужим.

Вспомнив взгляд отца Циня в лифте накануне, Ши Чу всё понял.

Видимо, родители Циня уже знали. Для них он теперь превратился из «кого-то из жизни сына» в «постороннего человека».

Поэтому Ши Чу тоже встал и ответил той же улыбкой — для него это не составило труда, ведь он всегда так поступал.

Днем бабушку Циня перевели в обычную палату, и многие люди пришли с корзинами фруктов и подарками, оставаясь там до самого вечера.

Цинь Юй был занят по горло, и у него не было времени на Ши Чу. Тот сидел на синей скамейке у палаты, молча наблюдая за толпой внутри через стекло двери.

Чжао Иань тоже был там: помогал Циню разносить чай и воду, принимал подарки от посетителей и находил для них подходящее место.

Их разделяла всего лишь одна дверь, но казалось, что это два разных мира.

Ши Чу вертел в руках телефон, написал Ши Цзин напоминание выключить газ, если она надолго уходит из дома, но это сообщение, как и все предыдущие, утонуло без ответа.

Последнее сообщение в WeChat было от Старины Яна, отправленное в четвертый день Нового

года. Он жаловался на фото, что уже четыре дня ест остатки праздничного ужина и сам почти прокис.

Ши Чу еще не ответил на него. Он зашел в чат, сначала набрал: «Вернись ко мне, угощу чем-то другим», а затем долго колебался, печатая текст.

[Если я заболею, наверное, никто не придет меня навестить?]

Набрав это, он подумал, что говорить такое в праздники не к лицу. Ему самому было всё равно, но он не хотел, чтобы Старина Ян что-то подумал.

Поэтому он стер слова одно за другим и написал другое.

[Перед операцией нужна подпись родственника. Я подумал, что нужно заранее подготовить записку: мол, родственников нет, делайте что хотите, я сам отвечаю за последствия.]

Подумав, он убрал точку и добавил в конце: «Думаешь, это круто? Ха-ха».

Это сообщение тоже не было отправлено: он понял, что оно мало чем отличается от предыдущего, а кроме того, текст показался ему слишком сентиментальным — таким, что мог бы написать и третьеклассник.

Ши Чу почти с яростью стер всё в поле ввода и просто набрал: «Можешь прислать фото Доуши? Соскучился по кошке», после чего с облегчением нажал кнопку отправки.

В это время Старина Ян, вероятно, снова был у родственников, доедая остатки праздничного ужина, и Ши Чу не ждал ответа. Он заблокировал экран, сунул телефон в карман и вышел прогуляться вокруг больницы.

Когда он вернулся после прогулки по больничному саду, людей в палате осталось гораздо меньше.

Чжао Иань куда-то исчез. Через стекло двери можно было увидеть только семью Циня, о чем-то разговаривающую внутри.

Время было позднее, и если он не уйдет сейчас, то может не успеть на последний поезд. Ши Чу подошел к палате и тихо постучал.

Казалось, внутри его не услышали. Ши Чу заколебался, положил руку на ручку двери, но не успел ничего сделать, как услышал голос матери Циня.

— Ничего, сынок. Если что-то случится, ты должен вовремя рассказать нам. Не держи всё в себе. Если ты не скажешь, как мы узнаем, как помочь тебе, как утешить?

Отец Циня тоже добавил с места:

— Мама права. Что бы ни случилось, мы всегда будем за твоей спиной. Не бойся нас расстроить, мы будем переживать только если ты молчишь.

Рука на ручке двери опустилась. Ши Чу вздохнул.

Лучше не мешать этой теплой семейной сцене.

Сегодня утром у него были какие-то странные порывы, но в какой-то момент они исчезли.

Возможно, это произошло, когда мать Циня улыбнулась ему с чрезмерной вежливостью, или когда родственники Циня один за другим втискивались в палату, или когда он только что увидел эту идиллическую картинку семейного счастья.

В любом случае, Ши Чу сейчас чувствовал усталость. Все, кто узнавал о его расставании с Цинем, неизменно говорили «хорошо» или «к лучшему». Раз уж все так считают, значит, так оно и есть.

Цинь Юй и должен был жить такой жизнью — в любви семьи, под заботой любимого человека, окруженный кучей друзей... В общем, быть с ним, действительно, казалось кочкой на ровной дороге.

Ши Чу даже усмехнулся. Он вспомнил слова Чжао Ианя о том, что он не в проигрыше. Вдумавшись, понял, что это правда. В его жизненных планах изначально не было пункта о том, чтобы быть с таким человеком, как Цинь Юй. В университете Цинь Юй, неизвестно почему, обратил на него внимание, и их жизни пересеклись на довольно долгий срок.

Быть с таким замечательным человеком так долго — это он выиграл в лотерею.

Чего еще ему могло не хватать?

—

Теперь не было причин оставаться. Цинь Юй предложил отвезти его, и он не отказался.

Родители Циня проводили их до выхода из больницы. На прощание мать Циня с сожалением сказала Ши Чу, что если будет возможность, он всегда может прийти к ним поехать.

Всего за день перед словом «поехать» появилось условие «если будет возможность», и все понимали, что теперь это была просто вежливость.

Когда они шли к парковке, Ши Чу спросил:

— Твои родители знают?

— Да. С дедушкой я найду время поговорить.

Ши Чу кивнул.

— Сегодня вечером погода хорошая.

Цинь Юй посмотрел вверх. Несколько дней не было снега, и сейчас луна сияла ярко, звезды были редкими, а ветер не кусался.

— Да, — сказал он.

Сев в машину и пристегнув ремень, они выехали на шоссе. Ши Чу, словно между делом, глядя на дорогу через лобовое стекло, сказал:

— В моей лаборатории есть очень милая девушка, Хэ Е. Ты помнишь?

— Помню, — ответил Цинь Юй. Раньше каждый раз, когда он приезжал за Ши Чу в университет и встречал эту девушку, она в девяти случаях из десяти начинала его расспрашивать. Он не против был поболтать с ней, пока ждал Ши Чу, но она была слишком

живой, а вопросы варьировались от того, как они познакомились, до интимных подробностей, масштаб которых рос с каждым разом, и даже он терялся.

Хэ Е не видела в этом ничего плохого и продолжала спрашивать при каждой встрече. Цинь Юй лишь смеялся и говорил ей:

— Спроси своего шифу, ведь... ощущения лучше спрашивать у того, кто их испытал.

Девушка с полным правом жаловалась ему:

— Шифу никогда мне об этом не расскажет! Он только будет угрожать мне тем, как я пишу диссертацию. Брат Цинь, скажи ему, чтобы он не поминал диссертацию каждые пять минут, это убивает чувства между коллегами.

Вспомнив это, Цинь Юй улыбнулся:

— Что с ней?

<http://bllate.org/book/16893/1566493>